

Сурикат был своим в этом кругу. Когда-то они вместе служили наёмниками, часто сражаясь бок о бок. В те времена Ду Ицзэ ещё не звали Лисом, но Сурикат уже был Сурикатом. Сурикат был длинным в талии и коротконогим, с грузным телосложением, но бегал он невероятно быстро, исчезая в мгновение ока, и обожал командные действия — словно настоящий сурикат с развитым чувством коллективизма.

Хотя Сурикат и Ду Ицзэ вместе воевали два года, после того как Ду Ицзэ покинул отряд, они больше не пересекались. Сурикат ушёл через год после него, решив оставить боевую жизнь и посвятить себя спокойной старости. Но вскоре он понял, что без войны ему некомфортно, и в итоге нашёл себя на подпольном рынке «Рейтинга».

Его воспоминания о Ду Ицзэ остались прежними. Однажды они сражались в траншее, и последний приказ был уничтожить всех выживших. Они стояли на краю траншеи, глядя на груды тел. Среди мёртвых Сурикат заметил маленького мальчика, дрожащего от страха. Тот явно был простым мирным жителем, насильно завербованным в ряды врага.

Ду Ицзэ тоже увидел его и направился к нему с ружьём.

— Я невиновен, я невиновен... — шептал мальчик, но одна его рука потянулась к пистолету под коленкой.

Прежде чем Сурикат успел предупредить, Ду Ицзэ уже поднял ружьё и, перед тем как выстрелить, мягко сказал:

— Держи его вот так.

Так что для Суриката Ду Ицзэ был улыбчивым хищником, любившим отправлять людей на тот свет.

Он не знал, почему Ду Ицзэ оказался здесь, но сам он был в двадцатке лучших «Рейтинга», и рядом с ним было трое товарищей. Даже если Ду Ицзэ был талантлив, мог ли он справиться с четырьмя?

Встреча с коллегой вряд ли сулила что-то хорошее. Ду Ицзэ улыбнулся и сделал два шага вперёд:

— Давно не виделись.

— Стой! — крикнул Сурикат. — Мы всё же друзья, я не хочу с тобой драться.

Ду Ицзэ удивлённо поднял бровь:

— Мы же на одной стороне, разве нет?

Сурикат промолчал, все четыре ствола по-прежнему были направлены на Ду Ицзэ, восемь острых глаз словно готовы были пронзить его одновременно.

Ду Ицзэ вздохнул:

— Ты работаешь на семью Гу, я тоже. Ты хочешь защитить Гу Мина, я тоже. Но зачем одной семье нанимать две группы для одного дела? Неужели нас натравливают друг на друга?

Он намеренно говорил неясно, сбивая Суриката с толку. Тот нахмурился, задумчиво опустив взгляд.

— Раз уж мы друзья, давай поделимся информацией? Я не хочу выполнять сомнительные задания, чтобы потом оказаться преданным.

Ду Ицзэ опустил руки и осторожно сделал шаг вперёд.

Когда Ду Ицзэ вернулся домой, на горизонте уже загоралась заря, а далёкие горы окутала лёгкая голубая дымка. В Китае уже приближалась ночь. Он запер дверь, проверил её дважды, и позвонил господину Ци, сообщив о первой встрече с противниками.

— Когда они научатся возвращать чужое? — раздражённо спросил господин Ци. — Тебе что-то нужно?

Ду Ицзэ, бледный как бумага, сидел на диване, закрыв глаза:

— Я уже разобрался.

После звонка он, опираясь на стену, зашёл в ванную. Его левое плечо было прострелено, пуля едва не задела артерию, что могло бы стать роковым. В полевых условиях он смог лишь наложить жгут, и дорога до дома полностью истощила его.

Ду Ицзэ достал аптечку, вынул набор одноразовых хирургических инструментов, стерильные нитки, бинты и пластырь. Он снял куртку, свитер под ней был пропитан кровью, серые нитки стали тёмно-красными.

Он взял ножницы, разрезал рукав от ворота до подмышки, а затем оборвал оставшуюся часть рукава, бросив её на пол. Кровавые нитки всё ещё соединяли ткань на его плече. Он взял полотенце из ванной, сложил его вдвое и зажал между зубами, затем вскрыл упаковку с инструментами, вынул небольшой серебряный скальпель и начал работать над раной.

Ду Ицзэ сразу же стиснул зубы, на лбу выступили капли пота. Свежая кровь стекала по его руке, капая на пол и образуя небольшую лужу.

Он разрезал рану, пытаясь извлечь пулю. Боль была невыносимой, казалось, она проникала в кости. Ду Ицзэ даже почувствовал, как щипцы копошатся в плоти, и, вздрогнув, выронил их. Он закрыл глаза, чтобы собраться, затем снова взял инструменты.

Когда он наконец извлёк окровавленную пулю, на улице уже пели птицы. Гормоны, выработанные организмом для защиты, притупили боль, и теперь дезинфекция и наложение швов казались не такими страшными. Он смотрел в зеркало, зашивая рану, словно чинил одежду. Закончив, он наложил повязку и отправился в спальню.

Едва он закрыл глаза, как зазвонил телефон. Ду Ицзэ взял трубку, собираясь отключить звонок, но увидел, что звонит Ли Минъюй.

— Который час? Ты всё ещё спишь? Сегодня не работаешь? Только не подведи меня, я же за тебя поручился! — Ли Минъюй говорил без остановки. За полгода он уже забыл о скандале с массажным салоном, и те редкие моменты тревоги, казалось, ушли в прошлое. Теперь, когда Гу Мин был не его заботой, а Ду Ицзэ не было рядом, он скучал и постоянно звонил, чтобы узнать, как дела.

— Понял, — слабо ответил Ду Ицзэ.

— Если бы я знал английский, Е тоже бы отпустил меня, — вздохнул Ли Минъюй. — Сколько ты ещё там пробудешь?

Ду Ицзэ, пропахший кровью, как выброшенная на берег рыба, устало открыл рот:

— Скучаешь?

— Хрень! — крикнул Ли Минъюй, затем тихо добавил:

— Моя трава, кажется, совсем засохла, ты бы её уже не оживил... Может, просто выбросить?

Ду Ицзэ не услышал последнего вопроса, он провалился в глубокий сон.

Он редко видел сны, но, возможно, из-за потери крови, ему приснился канун Нового 2000 года — это было так давно. В тот год все жили трудно, он ел лишь овощные отходы, которые мать приносила с рынка, бабушка Ли толкала бочку с керосином, чтобы заработать на учёбу Ли Минъюя, и на всей улице едва ли были семьи, которые могли позволить себе сытную еду, а дети ходили в заплатанной одежде...

Но новая эра приближалась! Они сидели на крыше дома-коридора, наблюдая, как вдалеке взрывались крошечные цветные фейерверки. Каждый взрыв сопровождался отдалённым громом. Крупные снежинки падали на их волосы, словно серебряные блёстки. Руки их замёрзли, и они прятали их в рукава, но внутри горел огонь, не дающий угаснуть надежде. Казалось, что как только наступит 2000 год, всё изменится к лучшему.

<http://bllate.org/book/15266/1347255>